

Известный правозащитник Владимир Буковский вспоминает: «Летом 1958 года открыли памятник Маяковскому. На официальной церемонии открытия официальные советские поэты читали свои стихи, а по окончании церемонии стали читать стихи желающие из публики. Такой неожиданный, незапланированный поворот событий всем понравился, и договорились встречаться здесь регулярно... Читали стихи забытых и репрессированных поэтов, свои собственные, иногда возникали дискуссии об искусстве, о литературе... И вообразите себе, что все это произойдет в центре Москвы, под открытым небом, в той самой Москве, где еще семь-восемь лет назад за такие слова, сказанные шепотом, вклеили бы десять лет без всяких разговоров... Неуверенность и нестабильность руководства, боязнь Хрущева произвести плохое впечатление на Запад долго сковывали карающую руку органов. А абсолютная открытость и легальность наших действий озадачивала КГБ – они все хотели найти какую-то нелегальную организацию, которая «стоит за нами» и нами со стороны руководит...»

«Мемориал» подготовил к изданию книгу «Мы предчувствие, предтеча». Площадь Маяковского 1958 – 1965», где о происходящем на «Маяке» рассказывают участники тех событий. Мы предлагаем читателю одну из глав этой книги – воспоминания актера Всеволода Абдулова в литературной записи Людмилы Поликовской.

Как я попал на площадь Маяковского, совершенно не помню. Проходил, смотрю: стихи читают – остановился... А может, прошел какой-то слух, что на площади собирается молодежь, но так или иначе я стал ходить туда достаточно регулярно, вместе со своим однокурсником Сережей Гражданкиным...

В хорошие дни вся площадь была заполнена народом. Кто хотел, выходил к постаменту, читал стихи. Свои или чужие. Я там много чего читал: Цветаеву, Пастернака (особенно «Август» любил читать), Давида Самойлова – у него тогда много непечатанных стихов было. Я старался читать то, что не напечатано, что мало знали... Другие читали Маяковского, еще кого-то. Галансков, Ковшин – свое. Я с ними и с другими ребятами, которые постоянно были на площади, быстро познакомился.

Нас то и дело хватили, арестовывали, сажали на 15 суток. Ну и что? Хватают – значит боятся, значит слабы. Ничтожны. Не страшно – весело все это было. Мы были молоды, мы были сильны.

Поначалу все шло как-то нормально. Подходит кто-нибудь в форме или не в форме, предьявляет какой-нибудь документ. Либо дружина, либо милиция, но не КГБ. «Давай-ка пройдем». – «Пройдем – так пройдем». Обычно нас отводили в отделение милиции при метро (была там маленькая комнатка). Я лично никогда не сопротивлялся, любил с ними пройти.

Помню, однажды на «Маяке» был какой-то невероятный аншлаг: вся площадь запружена народом и – против обыкновения – читают со всех четырех углов. Я тоже что-то прочел. Ко мне подходят – «Пройдемте!» Не потому, что я прочел что-то особенно крамольное, а просто так: пришла пора и меня взять. Привели меня в комнату милиции, в метро – сидят какие-то явные кагэбэшники. «Почему вы на площади читаете? Почитайте что-нибудь нам». Я стал им читать. Как

Евгений Егоров. Славные шестидесятые

Годы после XX съезда и доклада на нем Никиты Хрущева о культе Сталина (1956 год) занимают особое место в жизни нашего Отечества – годы освобождения, подъема, надежд...

раз в этот момент втащили каких-то пьяных и начали их избивать ногами, а я на этом фоне с пафосом читал: «И жизнь хороша, и жить хорошо!» Не знаю, что было бы дальше, но в этот момент какой-то человек на площади выскочил на постамент: «Сейчас здесь мальчик в лыжной шапочке читал, его забрали» – и вся толпа рванулась меня освободить... Вообще мы очень внимательно следили друг за другом и чуть что бросались на помощь. Создавали неразбериху, пытались вырвать...

Вначале власти не позволяли себе беспредела: избить, да еще при свидетелях – в 1960 году такое было еще невозможно.

Нас вызывали в горком комсомола, да и в комнате милиции с нами часто вполне доброжелательно беседовали какие-то люди не в милицейских формах (может быть, это тоже были горкомовцы – не знаю). Говорили, что наши чтения мешают уличному движению, собирается толпа, бывает и воровство – нехорошо все это. Москва все-таки, дескать, город-герой. Предлагали нам какой-то клуб – возьмитесь, отремонтируйте и, пожалуйста, собирайтесь, читайте стихи.

Лично мне эта идея не нравилась. Площадь тем и дорога, что сюда может прийти любой. Придет десять человек – хорошо, тысяча – еще лучше. А что клуб? Пропуска, зал на определенное количество мест – нам это было не нужно. Мы не считали, что делаем что-то плохое.

Даже и кагэбэшники вначале старались играть в либералов. Однажды – редкий случай

– привезли нас на Малую Лубянку, и один, помоложе, начал на нас дико орать. Я сказал: «Вы хотели с нами переговорить – мы готовы. Но пока вы не уберете этого типа, никакого разговора не будет». И они мне сразу же: «Выйди!» А нам: «Не обращайтесь внимания, это сталинист, пережиток...» Обругали его.

Были и очень смешные истории. Однажды прихожу на площадь – никого нет. Ну нет, так нет. Пошел позвонить домой. Выхожу из будки, перед телефоном стоит один из начальников агаджановского отряда. (Мы их всех в лицо знали.) Надо сказать, что среди «агаджановцев» были вполне нормальные ребята, которым вовсе не хотелось торчать на площади и заниматься тем, чем они занимались, – им бы скорее домой, к семье. Этот оказался как раз из таких, нормальных – никогда не хамил. «Ты куда звонишь?» – «Непорядок, – говорю, – никого нет на площади. Через полчаса будут». И забыл об этой шуточке. Но народ постепенно стал подходить, и через какое-то время собралась огромная толпа. Дружинники решили, что это я организовал и, стало быть, я один из самых главных.

Постепенно власти распоясывались и нагтели все больше и больше. Однажды – меня при этом не было – всех силком посадили в машины и выкинули за пятьдесят километров от Москвы. Стали исключать из институтов. И вот тут-то я порадовался, что я не комсомолец. Ведь как делалось? В первый день исключали из комсомола, на второй приходил полковник с военной кафедры и го-

ворил: «Офицером Советской Армии человек, выгнанный из комсомола, быть не может». На третий – исключение из института...

Я пытался привлечь к «Маяковке» внимание прессы. В чем, собственно, дело? Какие законы мы нарушаем? Помню, я по этому поводу прибежал в «Московский комсомолец». Разговор зашел о «Теркине на том свете». Они стали мне говорить: «Вы читаете это на площади, а это подделка, фальсификация, это не Твардовский написал...» Пользовались и запрещенными приемами.

Я, конечно, понимал: наши действия не нравятся дерьму, которого полно и в КГБ, и в ЦК, и всюду, но мы все делаем правильно, и мы все равно доберемся до душ людей, только мы не должны совершать ничего противозаконного, не нарушать Уголовный кодекс...

Я очень рано женился и сразу же у меня родилась дочь. Я жил на даче-развалюхе и ночами часто сидел с ребенком, утром вставал, носил воду, брал пеленки и вез в Москву, занимался в институте. У нас было много очень серьезных предметов. А стипендия 22 рубля, так что надо было еще и деньги зарабатывать – я почти не спал. Приезжаю на дачу измотанный, усталый – а там ночные сходки. (У меня тогда часто жили Буковский, Ковшин...) Революционеры обсуждают какие-то революционные проекты.

Однажды у меня был серьезный разговор с Володей Буковским, я сказал ему: «Я не революционер. Это не мой путь. Я не делаю подлостей, по мере сил помогаю хорошим людям. Я могу прийти на площадь, почитать мои любимые стихи, и мне плевать, что кто-то запретил их печатать. Но заниматься революционной деятельностью – это не мое призвание».

Я всегда говорил, что я противник террора, и не потому, что боюсь, а потому, что история доказывает: ни к чему хорошему это не приводит... Да мне и не казалось, что кто-то из моих друзей и вправду способен «поднимать пистолеты».

Я не ожидал, что все кончится 70-й статьей. Я тогда еще был романтик, и даже после арестов жутко хотелось думать, что и это опять-таки рецидив прошлого... Но, конечно, постепенно уже приходило понимание, что тучи сгущаются. Гайки закручивались все сильнее и сильнее, исчезали «оттепельные» иллюзии... Мне кажется, что вначале и Буковский не думал, что все завертится еще более круто. Я, конечно, читал его воспоминания, они абсолютно верные, но у каждого была своя «Маяковка». Этим-то она и была хороша, поэтому-то, может быть, я так люблю это время. Для меня, несмотря ни на что, оно было радостным и веселым – жизнь, действие. И я очень любил людей, с которыми мне посчастливилось тогда познакомиться...

Я продолжал дружить с Вадиком Делоне, Володей Буковским. Несмотря на то, что у нас с Володей жизнь складывалась одинаково только вначале, а потом он прошел всю свою Голгофу, я же, худо-бедно, прожил совсем другую жизнь, – это не отдалило нас. В 1978 году мы встретились в Париже – была очень хорошая, очень радостная встреча. Я мог честно смотреть ему в глаза – я никогда никого не продал, не предал. Встречались мы и позже, уже здесь в России – и всегда как хорошие друзья. Кошка никогда не пробегала. Просто судьбы складывались по-разному.